

ПУСТЬ СИЛЬНЕЕ ГРЯНЕТ БУРЯ!

В момент, когда вся Советская страна и—за ее пределами—весь пролетарский мир празднуют сорокалетие литературной деятельности Горького, мне, старому революционеру, невольно вспоминается то время, когда имя Горького впервые появилось в журналах. Это было в конце 1895 года, когда книжка «Русского Богатства» с рассказом «Челкаш» нарасхват передавалась в ссылке в Балаганске одним ссыльным другому.

— Почитайте, вручая книжку журнала, порекомендовал мне этот рассказ М. А. Натансон.

«Горький приоткрыл завесу... Показал незнакомый мир—приходилось мне впоследствии не раз слышать шаблонные отзывы. Для нас, ссыльных, странствовавших годами по тюрьмам и этапам вместе с так называемыми «уголовными», непосредственно сталкивавшихся с ними, встречавшихся с теми, единственным преступлением которых было стремление к той свободе, по которой так тосковал «Челкаш»,— этот мир не был незнакомым.

Образ своеобразного «Бунтаря»—Челкаша—это было для нас ясно—создан «Бунтарем». И дорог нам стал сразу этот, впервые выступивший на литературной арене автор, настолько дорог, что мы следили за тем, как огнесется к нему критика: поддержит или заклет и погубит.

В то время в «Русской Мысли» из месяца в месяц печатались критические обзоры журналов. Появился обзор этой книги «Русского Богатства». О Горьком в нем не было ни слова. Неужели молчанием убьют?.. Не может быть...

В то время мы еще не знали, что Горький—новичок в толстых журналах—давно уже печатался в провинциальных изданиях... В каждой вновь получаемой книжке «Русского Богатства» мы искали Горького и не находили. Неужели он появился метеором, метеором и пропал?..

Только, когда несколько месяцев спустя, совершенно неожиданно для

нас он появился не в «Русском Богатстве», а как раз в той «Русской Мысли», которая не дала отзыва о «Челкаше», мы успокоились. Мы набросились на рассказ и нашли в нем то, чего ждали.

Вряд ли у Горького нашлось за пределами сибирской ссылки много читателей, которые так, как мы, тревожились бы за него. Взлетел высоко... Удержится ли в выси, или как многие другие полетает, полетает и устроится где-нибудь в уютном гнездышке, где ему будет «и сытно и тепло».

Только много лет спустя, уже вернувшись из ссылки, я прочитал рассказ «О чиже, который лгал, и о дятле—любители истины» и в нем могучий призыв:

«Кто честно смерть принял в бою,
Тот разве пал и побежден?
Пал тот, кто робко грузь свою,
Прикрыв ушел из битвы вов...
Друзья... и тот пал, кто, боясь
Труда, волнений, боли ран,
О битве судит, погрузясь
В философический туман...»

Этот призыв был сделан Горьким за 12 лет до того, как после декабрьского восстания из меньшевистского лагеря, побоявшегося «труда, волнения и боли ран», раздалась «философические вопли»: «не надо было браться за оружие».

«Рожденные ползать—летать не смогли».

Сам Горький с первых написанных им строк обнаружил, что он «рожден летать», как его «Буревестник»—то...

«Крылом волны касаясь, то взмывая,
и тучам, он кричит и—тучи слышат
радость в смелом крике птицы. В этом
крике—жажда бури. Силу гнева, пламя
страсти и уверенность в победе
слышат тучи в этом крике...»

И он жаждет: «Пусть сильнее грянет буря», в то время как меньшевистские газеты стонут,—им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни; гром ударов их пугает»...

И «жаждавший бури» дождался ее. Грянула октябрьская буря. И ныне, после сорока лет борьбы, Горький «Буревестником» реет уже над всем миром. Пусть сильнее грянет буря!

ФЕЛИКС КОН.